

мыслителю, ни художнику не давало покоя. Оно оторвало его отъ всѣхъ наслажденій міра, отъ великихъ удовлетвореній геніальности художественной работы, отъ спокойныхъ трудовъ мыслителя. Разъ познавъ въ себѣ этого внутренняго человѣка, являющагося чистой сущностью его души, его совѣстью, Толстой долженъ былъ его слышать и слушаться, подъ страхомъ тѣхъ невыносимыхъ мученій, о которыхъ самъ онъ повѣдалъ въ своей исповѣди и въ статьѣ по поводу Московской переписи. Эта статья знаменательна для психологіи всѣхъ его религіозныхъ и моральныхъ переживаній, она даетъ ключъ къ уразумѣнію цѣлой области этихъ переживаній.

Вліяніе Сократовскаго демона, власть морального императива писатель, какъ мы знаемъ, ощущалъ съ ранняго дѣтства и сгибался подъ этой властью, послушно дѣлая не одинъ разъ попытки жить въ строгомъ согласіи съ безсознательными внутренними велѣніями. Но впослѣдствіи вліяніе этого демона души стало сказываться страшными нравственными потрясеніями, душевной болью, тоской, которой нѣть предѣла. Все внутреннее существо писателя потрясало съ силой безумной и нужно удивляться тѣмъ мелкимъ незримымъ цѣпямъ, которыя удержали его отъ поступковъ крайняго самоотреченія. По крайней мѣрѣ воспоминанія писателя о тѣхъ временахъ